

Привидение — к добру

«Рождественская история» Роберта Земекиса приглашает Татяна Алешичева

СВЯТОЧНЫЙ рассказ Диккенса «Рождественская песнь в прозе» написан почти двести лет назад, и с тех пор его все время интерпретируют в театре и в кино. Есть даже опера и балет. А имя главного героя Эбенезера Скруджа, самого жадного старика своего времени, стало нарицательным: scrooge означает просто «скряга».

У Диккенса Скрудж встал на путь истинный, после того как святочной ночью ему явился покойный компаньон Марли. Мелкие капиталистические кровососы, они на пару ссужали деньги беднякам под грабительский процент, не зная жалости к должникам; спустя семь лет после смерти призрак Марли рассказывает, каково жадинам на том свете и, как пришло классическому английскому привидению, гремит цепями и кошмарит грешника в перевоспитательных целях. Марли сменяют святочные духи. Один доставляет Скруджа в его невинное детство. Второй показывает доброго племянника Фреда, которым мерзкий старик пренебрегает, и клерка Боба Кретчита, который горбатится на Скруджа за гроши и со своим огромным семейством страдает от его

скупости. Третий дух предъявляет будущее: старик умирает в одиночестве, его имущество расхищено, должники ликуют. Ужас внушен: потрясенный Скрудж исправляется.

Таков классический сюжет, и держится он на трех лейтмотивах диккенсовской прозы. Во-первых, на морализаторском пафосе. Во-вторых, на совершенно зашкаливающей сентиментальности (вполненной, например, в образе Малютки Тима — младенчика на костылях, обреченного умереть в нищем семействе Кретчитов). И, в-третьих, на иронии. Она уравнивает сентиментальность и заключение большей частью в интонации диккенсовского текста, и посему ее трудно адекватно перенести на экран. Вдобавок в рассказе маловато событий, чтобы составить сюжет целого фильма, да и те, что есть, довольно монотонно повторяются. Однако эта свинцовая классика со всей назидательностью и сантиментами до сих пор работает, а местами трогает до слез. Но это, если ее читать. А чтобы превратить ее в занятное зрелище для детей, нужно очень постараться.

Студия «Дисней» старалась дважды, и оба раза превращала Диккенса в шутку, чуть не в цирк с конями. Вначале это был мультфильм с Микки-Маусом и жадной уткой Скруджем Макдаком, потом фильм с Майклом Кейном в роли Скруджа в окружении кукол из «Мuppet-шоу». Нынешняя диснеевская версия третья по счету, и на этот раз без шуток, кукол и зверей — только подлинный диккенсовский дух. Скруджа играет Джим Керри. Хотя слово «играет» не вполне корректно, когда речь о технологии motion capture: сначала снимают живого актера, потом его движущееся изображение служит основой для цифровой анимации в формате 3D. Когда то же проделывают с жестикуляцией и мимикой, это уже performance capture. Получается и не фильм, и не мультфильм, а нечто среднее — технологический аттракцион. А именно за технологиями видят будущее кино, изобретая все новые трюки, чтобы завлечь пресыщенного нынешнего зрителя в кинотеатр.

Отношение к технике motion capture разное: некоторые находят ее ужасной, потому что глаза у цифровых аватар, сде-

ланных с живых актеров, мертвые и неподвижные. Другие приветствуют потенциал волшебного зрелища, заложенный в кино со времен фантастических трюков Мельеса. Несомненно одно: режиссер Роберт Земекис — один из главных людей в мире, кто не только обожает волшебные трюки, но и умеет их делать. Он заставил нарисованного кролика Роджера жить в кадре наравне с живыми актерами. Он сделал так, что придуманный им Форрест Гамп беседовал с настоящим Джоном Ленноном. Он смеялся над абсурдом пластической хирургии, искажая тела Голди Хун и Мэрил Стрип в фильме «Смерть ей к лицу». Потом он увлекся motion capture, и оба опыта в этой области, «Полярный экспресс» и «Беовульф», критика признала неудачными.

«Рождественская история» уже обросла отзывами: от полного неприятия до полного восторга. Длинные диккенсовские описания Земекису оказались только на руку. Он сделал настоящий викторианский Лондон, показал, как дверной молоток превращается в лицо Марли, придумал еще множество чудесных трюков. Единственное, о чем следует помнить, — участие гуттаперчевого Джима Керри вовсе не означает, что это комедия. Вдобавок ни Керри, ни Гэри Олдмана в роли Марли практически и не узнать. И еще — места дети могут пугаться. Все-таки это история с привидением.

В прокате с 19 ноября